

М. А. КОРФ

Дневники 1838 и 1839 годов

<Фрагмент>

22 февраля [1838]

<...> Кроме этого¹, Государь в свое царствование был в Совете еще два раза: 21 декабря 1829 года, при рассмотрении дела о понижении банковых процентов, и 19 января 1833 года, при рассуждениях о введении в действие Свода законов². По банковому делу Его не ожидали, и он прибыл после уже открытия заседания. Из журнала видно только, что он предложил тогда на обсуждение Совета вопрос: удостоверено ли правительство в возможности удовлетворить банковых вкладчиков, или понижение процентов усилит обратное востребование капиталов, и что при рассуждении о том, что на некоторые капиталы, прежде внесенные, при общем понижении процентов справедливо будет назначить особое вознаграждение, он заметил, что хотя артельные солдатские деньги составляют частную собственность, тем не менее, однако, заслуживают вознаграждение капиталы, принадлежащие нижним чинам, поступившим в инвалиды, а наипаче в другое ведомство за отличие. Но по второму делу (о Своде) Государь сам открыл заседание, изъяснясь, что прежде, нежели приступлено будет к суждению о предмете, для коего Совет собран, он желает изложить ход дела, поскольку сие относилось к действию, собственно от него зависевшему. Далее Государь продолжал, что «при самом восшествии на престол он счел долгом обратить внимание на разные части управления, о коих не имел почти никакого сведения. Первый предмет, к коему Его В<еличест>во, по важности оною, устремил все внимание свое, было правосудие. Его В<еличест>во в самой молодости своей слышал о недостатках

у нас в оном, о ябеде, о лихоимстве, о неимении полных законов или о смешении оных от чрезвычайного множества указов, нередко один другому противоречащих. Сие побудило его с первых дней его правления рассмотреть, в каком состоянии находится Комиссия, для составления законов учрежденная. К сожалению, представленные сведения удостоверили его, что труды Комиссии сей не имели никаких последствий. Не трудно было открыть, что сие происходило главнейшее оттого, что всегда обращались к составлению новых законов, а не к основанию на твердых началах старых. Посему он признал за благо прежде всего определить, к чему по законодательству правительство должно направлять виды свои, и вследствие того обратился к началам, противным тем, коими прежние комиссии руководствовались, т. е., чтоб не созидать новых законов, но собрать и привести в порядок старые».

За сим Государь, означив в главных чертах данный им для совершения сего труда план, учреждение для оного в Собственной его канцелярии особого (II-го) Отделения, и личное свое в этом деле участие, упомянул еще о помещенных в Своде основных законах, собственно до него и до августейшей его фамилии относящихся. «Всем известны, — продолжал он, — разные превращения, в наследстве престола происходившие. Блаженная памяти родитель его установил первый на твердых основаниях права наследия и издал учреждение об императорской фамилии, которое, так сказать, освятил, положив на престол в Успенском соборе. Так, император Александр I дополнил постановления сии, когда вел. кн. Константин Павлович сочетался браком с княгиней Лович. Так сам он дополнил узаконения сии постановлением о правителе государства — акты, кои также освещены тем, что там же, где и первые, императора Павла I, находятся. Государь счел нужным сии основные законы, впрочем, уже давно изданные и всем известные, соединить ныне вместе».

Достопамятная речь эта, которая в журнале отмечена только в кратких очерках, продолжалась около часа. Государь говорил, как все очевидцы единогласно отзываются, с увлекательным красноречием. М. М. Сперанский, которому Государь тут же надел снятую с самого себя Андреевскую звезду³, сказывал мне после, что он говорил «как профессор».

Это заседание имело последствием указ 27 января 1833 года и обнародование Свода, с тою силою исключительного и общего закона, которую он теперь имеет.

23 ноября [1838]

<...> Киселев⁴ рассказывал мне также о разговоре, который он имел на днях с Государем о Госуд<арственном> совете. Государь жаловался, что Совет «очень устарел в личном своем составе». Киселев с своей стороны нашел, что это нисколько не беда; что Совет по существу своему и по духу нашего правления должен быть не provocateur, а conservateur, т. е. больше оберегать существующее, нежели допускать какие-либо нововведения, а если и допускать их, то с крайнею осмотрительностию в отношении к главным началам и основным идеям монархического правительства; что для этого лучше годятся старики, естественно, привязанные к прежнему, нежели молодые люди с живым воображением; что последних надобно сажать в министры и правители, потому что Россия не может ни оставаться в неподвижном состоянии, ни отставать от века, и тогда уже их дело будет выдумывать и созидать, а Совету останется только умерять их жар и свято поддерживать главный фундамент. Была также речь о печатании вносимых в Совет проектов. Против этой идеи, принятой уже Государем по представлению гр. Васильчикова⁵, Киселев сильно восстал теперь перед Государем: «Тогда, — сказал он, — главная идея d'un Conseil conserateur* сама собою рушится. Велики ли теперь или слабы способности членов Госуд<арственного> совета, дальновидны ли или ограничены они в своих соображениях; но, по крайней мере, при образе доклада дел в Совете не может уже быть никаких суфлеров, и все замечания идут прямо от членов. Начните только печатать проекты, и вся личность этих членов исчезнет: вместо них будут читать проекты столоначальники, секретари и другая молодежь, они станут вывозить в Совет уже не свои мысли и замечания, а внушенные им новым поколением, которое при всей осторожности и при всех мерах правительства все-таки напаяется идеями Западной Европы. Где же тогда останется опора монархических понятий, которые теперь так свято стерегутся этими, если не всегда даровитыми, то, по крайней мере, старыми и опытными головами». Я еще не столько удивляюсь тому, что Киселев говорит эти вещи Государю, сколько тому, что он имеет дух их пересказывать! <...>

* Консервативного Совета (фр.).